

ЭФОРУМ

№ 3 (19) июнь, 2010 г.

 БЮЛЛЕТЕНЬ
 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2 **УЗНАЕМ**5 **УЧИМСЯ**10 **ШУТИМ**14

 Интервью с проф.
 С. Барсуковой:
 «Смотреть на мир как-то
 по-особенному»

 Социально-экономические
 проблемы
 капиталистических стран
 в зеркале «Крокодила»
 (продолжение)

 «Мы» – не «они»:
 М. Задорнов как агент
 производства
 этнонациональных
 стереотипов

 О молодом Вебере
 (продолжение)

Уважаемые читатели!

Любой турист со стажем знает, что в какое бы место он ни приехал, везде найдется вершина, на которую можно взобраться, чтобы взглянуть на местность с высоты птичьего полета. Но не у каждого туриста соколиная зоркость. Поэтому тут как тут оказывается телескоп. Опустив монетку, кроме общей панорамы, можно разглядеть какие-нибудь детали: например, фасад известного здания или каскад лестничных пролетов. Июньский номер бюллетеня «ЭС-Форум» предлагает подобный аттракцион: взгляд на мир через окуляры социологического телескопа.

В рубрике «Знакомимся» мы представляем интервью с профессором кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ Светланой Барсуковой. «Смотреть на мир как-то по-особенному» – этот призыв слышится во всем ее повествовании об оригинальном подходе к преподавательской, исследовательской и публикационной деятельности. Из ее рассказа становится очевидным, что вскарабкаться на высочайшую точку научного знания удастся только в том случае, если ты уверен, что там – сумасшедше интересно.

В рубрике «Узнаем» мы продолжаем серию статей доцента Дениса Стребкова «Социально-экономические проблемы капиталистических стран в зеркале "Крокодила"». На этот раз автор показывает, как на страницах юмористического журнала изображалась культурная и духовная жизнь западных об-

ществ. И думаем, вы согласитесь, что редакторы некогда популярного журнала порою поддавались оптическим иллюзиям.

В рубрике «Учимся» помещено эссе студента отделения социологии массовых коммуникаций факультета международной журналистики МГИМО Сергея Мельникова «"Мы" – не "они": Михаил Задорнов как агент производства этнонациональных стереотипов». Автор убедительно показывает, что картинка реальности, увиденная в телескопе, не свободна от искажений.

В рубрике «Шутим» преподаватель кафедры экономической социологии Александр Куракин продолжает скрупулезно изучать юность Макса Вебера. Благодаря его телескопическому взгляду мы узнаем, как великий социолог приспособлялся к студенческой и армейской жизни.

Увлекательного чтения!
 Создатели ЭСФорума

Светлана Барсукова

доктор социологических наук,
профессор кафедры
экономической социологии,
старший научный сотрудник
Лаборатории экономико-
социологических исследований
ГУ ВШЭ

– Ваша последняя книга-учебник «Неформальная экономика»¹ награждена первой премией Международной ассоциации институциональных исследований (МАИИ)². Поздравляем!

– Спасибо! Но давайте поубавим пафос – премия действительно международная, но ее присуждают только страны ближнего зарубежья – Украина, Белоруссия, Казахстан и пр. Я победила в номинации «Лучший учебник года», а поскольку награждение проходило в Украине, то название диплома у меня самое веселое – «Лучший підручник». Инициатором создания МАИИ был профессор Рустем Нуреев, и члены Ассоциации решили награждать монографии и учебники, написанные в институциональном ключе. МАИИ стремится продвигать традиционный и новый институционализм как среди профессиональных экономистов, так и среди тех, кто просто интересуется данным направлением в экономической науке.

Сама история МАИИ очень поучительна. Когда-то, еще в 1990-е годы, на западные деньги был создан Московский общественно-научный фонд (МОНФ). Он финансировал так называемые «виртуальные мастерские» – группы людей, живущих в разных городах, которые группиро-

«Смотреть на мир

Интервью с профессором Светланой Барсуковой

вались вокруг некой фигуры и занимались научными исследованиями, объединенными одним проблемным полем. Таких мастерских было много, и Р. Нуреев был одним из тех, вокруг кого стали объединяться молодые экономисты. Ни одна мастерская не выжила к 2000-м годам: закончилось финансирование, и группы распались. Но люди, которые были вокруг Нуреева (тогда – преимущественно аспиранты-экономисты, а сейчас – уже кандидаты и доктора наук), продолжили свою деятельность. Так появилась мощная исследовательская сеть. Это к вопросу о роли личности в истории, в частности в истории науки. Сейчас МАИИ издает свой журнал на русском и английском языках, проводит ежегодные конференции. На мой взгляд, эта одна из самых теплых в человеческом плане и продуктивных в научном отношении площадок для обсуждения. Там потрясающе сильные ребята из Кемерово, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Ростова-на-Дону и из других городов.

– Какие из последних исследований по неформальной экономике Вам показались наиболее интересными?

– Книга Якова Паппэ и Яны Галухиной «Российский крупный бизнес: первые 15 лет»³, которую авторы, конечно же, не относят к социологии, но которая является блестящим исследованием по теме неформальной экономики⁴.

³ Паппэ Я., Галухина Я. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ГУ ВШЭ, 2009.

⁴ Книга получила Премию в области общественно-научной литературы «Общественная мысль», стала лауреатом XIX конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги 2009 года» в номинации «Лучшее издание деловой литературы», а также получила специальный диплом Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты. Рецензию профессора Барсуковой на эту книгу см. в журнале «Экономическая социология» (2009. Т. 10. № 5).

Переведенная на русский язык в 2005 г. книга Дж. Скотта «Благими намерениями государства»⁵ также заслуживает большого внимания, потому что представляет комплексный взгляд на природу неформального. Она меня потрясла еще и тем, что ее приятно читать. Автор не только аккуратен в работе с цифрами, не просто грамотный профессионал, который делает очень точную регрессию, результатам которой можно доверять, но он талантлив – в постановке проблемы, в том, что видит мир как-то по-особенному. Дж. Скотта отличают оригинальный взгляд на вещи, широчайшая эрудиция, ему присуще чувство стиля при написании текстов, выражающееся, в частности, в соразмерности глав. Обаянию таланта противостоять невозможно.

«Благими намерениями государства» оставляет очень приятное послевкусие, и для меня это очень важный показатель научной работы. Такие книги безумно интересно не только читать, но и рецензировать, хотя рецензирование – это особый и очень нелегкий труд, если только не подходить к этому формально. Ведь иная книга требует, чтобы твои мысли «отстаивались» в течение нескольких недель или даже месяцев⁶.

Конечно, есть написанные добротными профессионалами книги, которые, как правило, очень информативны и заменяют тебе годы сидения в библиотеке, потому что содержат четкие систематизации и добротное цитирование множества источников. Для науки понятие стиля, наверное, излишне, но без него лично я хороших авторов практически не вижу. Чтение – это все-таки особый вид медитации, а не просто способ усвоения знаний.

⁵ Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.

⁶ Рецензию профессора Барсуковой на эту книгу см. в журнале «Экономическая социология» (2006. Т. 7. № 4).

¹ Барсукова С. Неформальная экономика. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2009

² <http://www.ie.boom.ru/Society.htm>

как-то по-особенному»

– Какими исследовательскими проектами Вы занимаетесь на данный момент?

– Обычно у меня параллельно идут три-четыре проекта. Что-то начинается, что-то заканчивается. Подходит к концу проект «Бытовой патриотизм в современной России», в который я включилась скорее вследствие эмоционального порыва. Исследование инициировалось Национальным центром научных исследований Франции, и меня они нашли по Интернету, читая мои работы. Для большей уверенности пригласили на «смотрины» – предложили выступить в нескольких центрах Парижа с публичными лекциями о результатах моих исследований. Это было приятно, особенно на фоне заверения коллег: сейчас никто ничего не читает. Так что я пришла на уже готовый замысел.

Я сфокусировалась на абсолютно экономическом развороте темы: каким образом идея патриотизма используется в реальных экономических практиках на продовольственных рынках. Летом в Стокгольме буду докладывать результаты, посмотрим на реакцию. Я до сих пор плохо понимаю, что же такое патриотизм в России, и не знаю, патриот ли я. Но оказавшись вне страны, чувствую в себе просто цунами патриотизма. Поэтому в рамках проекта я взяла на себя роль адвоката России, в чем она – Россия – безусловно, не нуждается. Для меня важно не допустить, чтобы в итоговую книгу попали трафареты и стереотипы, которые часто встречаются в книгах о России представителей «матерой демократии».

– Данная тема отличается от исследований протекционизма?

– Протекционизм в чистом виде – система квот, тарифов и пр., а я изучала завуалированные формы протекционизма, которые куда действеннее в период, когда грубая

протекционистская политика порицается мировым сообществом. Если рассказать, как устанавливались и корректировались квоты на импорт мяса, получится самая настоящая драматическая социология. Бытовой патриотизм важен для легитимации стратегий улучшения своих позиций на рынке; вне апелляции к риторике патриотизма денег в стране уже не дают. Апофеозом явилась доктрина продовольственной безопасности, расколовшая экспертов на два непримиримых лагеря: одни считают эту идею последней надеждой, другие – экономически вредным политиканством.

Я встречалась с представителями продовольственных ассоциаций, экспертами и поняла, что аграрии – совершенно особые люди. Они – практики, которые очень четко понимают свой бизнес и свою миссию. С ними можно не соглашаться, но не уважать их как профессионалов нельзя. Я очень прониклась этой тематикой. Возможно, это некая форма извинения за высокоме-

рие и порой уничижительное отношение к тем, кто изучал сельское хозяйство, когда я была еще студенткой. Тогда мне казалось, что математика, моделирование – удел тех, у кого «полет» в голове, а кому «не дано», тот будет изучать удои коров, урожайность по гектарам, яйценоскость кур и т.д. Но сейчас я воспринимаю эти сферы с точностью до наоборот.

– Вы участвовали во многих исследовательских проектах и работали с разными коллективами. Не могли бы вы посоветовать, как студентам Вышки, которые начиная со 2–3-го курса уже включены в исследовательские группы, лучше строить работу, чтобы было как можно меньше конфликтов?

– Для меня первичны люди, а потом уже тема. Выбирая между интересной темой и интересными людьми, я всегда остановлюсь на втором варианте. Потому нужно подбирать себе в коллектив тех людей, с кем тебе будет комфортно работать. Это первое.

Второе. Когда я стала работать с Вадимом Радаевым, то осознала, что у понятия «исследовательский коллектив» есть разные трактовки. В Новосибирске я привыкла думать, что признаком правильной организации научной деятельности является сплоченная коллективная работа: люди собираются в группу, слаженно делают один проект, регулярно обсуждая результаты, и выпускают статьи или книги в соавторстве. С Радаевым все было по-другому: он обеспечивал плотную коммуникацию по поводу организационных вопросов на стадии сбора данных, но вот их осмысление у каждого должно было происходить самостоятельно, т.е. всегда можно поделиться мыслями, но никто от тебя этого не требует. Каждый работает с единым «полем», но разрабатывает свой аспект, свой

– Именно так. Раньше в список авторов включали всех помощников – мне об этом рассказывал Овсей Ирмович Шкаратан, – потому что они внесли свой вклад в проект. Это было нормой научного сообщества, но сегодня отношение к этому меняется. Может быть, индивидуализма становится больше.

– Будете ли Вы читать курсы по неформальной экономике и экономической социологии в следующем учебном году на других факультетах Вышки, помимо социологического?

– Что касается авторского курса по неформальной экономике, то вряд ли. Для меня этот курс как огромный моноспектакль: после каждой лекции чувствую, что настал мой энергетический предел.

А вот экономическую социологию буду читать экономистам. Это просто работа. Но рутинной ее не назовешь. Я бы, возможно, и хотела повторять курс из года в год, но не получается. Материал как бы прессуется, и начинается паника: «Как мне продержаться с этим, ведь все необходимое содержание лекции можно изложить за 15–20 минут?» Поэтому неизбежно появляются новые сюжеты. Вообще легко читаются те лекции, которые новы для самого преподавателя. Если тебе самой материал кажется свежим и интересным, то говорить о нем можно часами. Что же касается старого материала, то берешь основные идеи, излагаешь их в сжатом виде, и все.

Когда я начинала читать неформальную экономику, это была страшная авантюра. Вадим Радаев сказал: «Будешь читать неформальную экономику». Я спросила: «А что это?» Он ответил: «Ты поймешь. Я тебе ксероксы сделал, прочитай их за лето». Проблем не было, потому что я пересказывала какую-нибудь статью автора, не пони-

мая иерархии авторов и качества статей. Мне тогда искренне казалось, что это сумасшедше интересно и абсолютно ново, потому что я сама так воспринимала это новое знание. А сейчас иногда я не знаю, что рассказывать, потому что все кажется очевидным и граничащим с обыденным знанием. Поэтому каждый год курс обновляется на две-три совершенно новые лекции. Я теперь хожу на различные публичные лекции не столько для того, чтобы узнать что-то новое, сколько для того, чтобы понять, каким образом человек говорит то, что я в принципе знаю, но при этом он «держит» аудиторию часа два, потому что разворачивает свои идеи и мысли постепенно. Испытываю безумную зависть к таким людям.

– Есть ли у Вас аккаунт в ЖЖ, твиттере, страницы в виртуальных социальных сетях?

– Я еще не все кнопки на своем соевом освоила, а тут вопрос про ЖЖ. Бывают люди предельно консервативные – я из их числа. Вот когда я научусь пользоваться картой памяти для фотоаппарата, тогда подумаю и над знакомством с перечисленными технологиями.

Беседовал Дмитрий Крылов

поворот сюжета; или не разрабатывает. При этом никто ни к кому не предъявляет претензий – дескать, мы же вместе на интервью ходили. Никто никого не ругает и не хвалит. Просто один по результатам исследования выпускает книгу, другой – статью, а кто-то – ничего. Поначалу я не могла привыкнуть к этому, ведь проект-то задумывался как коллективный. Но потом поняла, что такая разобщенность людей – залог их эффективной деятельности и бесконфликтности. Во-первых, существенно меньше времени тратится на встречи и обсуждения, что особенно важно, если участники группы находятся в разных ситуациях и у каждого своя нагрузка. Во-вторых, выскажу крамольную мысль: потребность в обсуждении у людей различна. Кто-то нуждается в коллективном разуме, а кто-то продуктивно «бодается» сам с собой. Это сугубо индивидуально.

– А как быть с публикацией результатов такого «коллективного» исследования? Публиковать статьи под своей фамилией, а в подстрочнике писать «Спасибо Паше и Маше за участие»?

Денис Стребков

доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований ГУ ВШЭ

Продолжение¹

Журнал «Крокодил» был призван высвечивать те проблемы, которые мешают строительству коммунизма в СССР... В каждом номере «Крокодила» две-три полосы из шестнадцати обычно выделялись под рубрику о международной жизни. Ее название менялось год от года, но суть оставалась неизменной. «Крокодил» оперативно реагировал на события, происходящие в мире.

Для того чтобы понять, как изменялось во второй половине XX в. представление советских граждан о жизни населения в западных странах, мы проанализировали семь полных годовых комплектов журнала, которые выбирались для анализа через равные пятилетние промежутки времени, начиная с 1959 г. и заканчивая 1989 г.

Часть 3

1. Падение нравов в западном обществе

Отсутствие четко выраженной идеологии и образующийся в результате этого в обществе ценностный вакуум приводят к постепенной деградации населения западных стран, всеобщему падению нравов, сексуальной распущенности: «Нищета духа – прогрессирующая болезнь капитализма. Сплошь да рядом "культурные" запросы буржуа не выходят за пределы его животных инстинктов. По этой причине на экране и на эстраде западного мира торжествует неприкрытое скотство. Вакханалия обнажения перекинулась в быт. Творцы дамских мод решили, что пора уже руководствоваться не вкусом, а одними лишь сексуальными рефлексамии»². Буржуазный мир полон самых разных соблазнов, и, естественно, «Крокодил» показывает своим читателям, насколько глубоко может пасть человек, попавший в такую среду.

Социально-экономические проблемы капиталистических стран в зеркале «Крокодила»

Итак, первое, на что следует обратить внимание, – это активная пропаганда насилия в кино, в книгах и на телевидении. Со страниц «Крокодила» советские читатели узнают о том, что полки американских книжных магазинов гнутся под тяжестью литерату-

ры, проповедующей отчаяние, разврат и культ силы. Количество убийств, совершаемых героями голливудских фильмов, измеряется несколькими десятками, а где-то даже и сотнями. Телевизионные программы также насыщены криминальными новостями и передачами, «смакующими» подробности совершенных преступлений.

По мнению американских психологов, все эти материалы «возбуждают жажду насилия, показывают, как лучше совершить преступление, учат, как легче избежать наказания, или просто притупляют у детей (и у взрослых) сознание зла. Телевидение стало школой насилия. В этой школе молодежи никогда не внушают, что насилие предосудительно само по себе. Урок, который они получают, состоит в том, что насилие – это увлекательное приключение и что побеждает тот, кому оно лучше удастся»³. Разве не является эта фраза актуальной и для современной России, где, включив практически в любое время федеральный телеканал НТВ, можно увидеть очередной криминальный сериал?

Особенно пагубно насилие в кино и на телевидении воздействует на еще неокрепшую детскую психику: «Анализ детских передач с полной наглядностью подтверждает, что наши телестанции снабжают юных зрителей сливками современной культуры: убийцы и убитые, душителы и задушенные, поджигатели и подожженные – все они проходят по голубому экрану мощной армией культуртрегеров... Братец-кролик при каждом подходящем и неподходящем случае выхватывает ныне автомат, мыши не расстаются с гранатами, а зайчики при споре о капустных листьях все чаще и чаще пользуются винтовками с оптическим прицелом. Так что если вы хотите, чтобы ваш ребенок вырос хорошим грабителем, специалистом по взламыванию сейфов, купите ему маленький стульчик и поставьте перед вашим телевизором»⁴.

Вторая заметная компонента «культурной» жизни западного общества – это сексуальная распущенность,

¹ Начало см.: ЭСФорум. 2010. № 1. С. 6–10; 2010. № 2. С. 4–9.

² Ларни М. Быть или не быть: пер. с финского // Крокодил. 1964. № 26.

³ Один день «потерянного поколения» // Крокодил. 1964. № 25.

⁴ Колби М. (Канада) В ожидании Тома Сойера // Крокодил. 1964. № 5.

Настоящие американские ценности. Рис. Ю. Федорова

выражающаяся в обилии порнографических фильмов и журналов, в процветании стриптиз-клубов и публичных домов, наличии в крупных городах специальных «кварталов развлечений», распространенности нудистских пляжей и т.п.

Со страниц журнала читатели получают информацию, например, о том, что голливудская кинозвезда Джейн Флер провела нестандартную PR-акцию: она проехала по улицам Сан-Франциско на лошади в голом виде. О том, что в приморских кафе и ресторанах нередко сидят обнаженные люди, и никого из окружающих это не смущает. О том, что на улицах европейских городов установлены специальные автоматы, позволяющие любому желающему, в том числе подросткам, просматривать порнографические фильмы.

«Будка – вроде телефонной.
Но без трубки автомат.
Дверь захлопнешь, бросишь кроны –
Фильм покажет «секс-прокат»!
Две монеты – две минуты
Откровенных самых сцен,
Препрохобной самой мути
(В обстановке роста цен!)»⁵.

Описания широчайшего спектра возможностей для плотских развлечений в западном обществе, разумеется, очень сильно контрастировали с традиционным образом высокоморального советского гражданина и, вероятно, вызывали у читателей журнала смешанные чувства.

⁵ Владимов М. Как по телефону // Крокодил. 1984. № 34 (Очерк о Стокгольме).

Засилье на Западе *абстрактного и авангардного искусства* во всех сферах культурной жизни – в живописи, скульптуре, музыке, театре – также рассматривается советскими сатириками как важнейший индикатор духовного и нравственного падения буржуазного общества. В качестве наглядных примеров выбираются наиболее одиозные образцы подобных «шедевров». Вот только малая часть из них.

- Пианист исполняет сочинение без помощи рук, одними только ударами носа по клавиатуре.
 - На листы нотной бумаги высыпаются муравьи или другие насекомые, обмакнутые в краску. Оставленные ими следы ложатся в основу будущей партитуры.
 - Исполняя симфонию собственного сочинения, музыкант набирает в рот воды и булькает ею перед микрофоном; музыкальные композиции сопровождаются собачьим лаем.
 - Во время театральных представлений актеры голыми выходят на сцену, раскрашивают друг друга красками, катаются по полу, колотят друг друга рыбьими и куриными тушками.
 - На киноэкранах демонстрируется шедевр авангардизма «Сон», где на протяжении нескольких часов камера показывает спящего человека.
 - В картинных галереях выставляются живописные полотна, нарисованные обезьянами.
- «Крокодил» доступно разъясняет несведущим читателям, что *авангардистская музыка* – это шумовой хаос, а *авангардистский театр и кино* – это бессмысленные действия актеров на сцене и экране («что-то происходит, и на том скажи спасибо, дорогой зритель, только не спрашивай что и почему, иначе прослывешь невеж-

КОНСЕРВЫ ДЛЯ СОБАК

ЛИЧНОЕ АТОМОУБЕЖИЩЕ

Голливудский конвейер.

Рис. Л. Самойлова

дой»). В целом же отмечается, что авангардистское искусство «идет вперед – в болото мракобесия и шизофренического бреда»⁶.

В качестве культурных образцов на страницах журнала были опубликованы шесть репродукций, три из которых принадлежали кисти профессиональных художников, а три других были нарисованы психически больными людьми и соответственно перепечатаны из книги «Отличительные черты творчества шизофреников». Читателям предлагалось определить авторскую принадлежность каждого из рисунков. Однако, как показали опубликованные позже ответы, найти правильное решение этой головоломки так никому и не удалось...

Активным нападкам со стороны «Крокодила» подвергается и рок-музыка. В частности, в 1964 г. выходит фельетон без подписи под названием «Жучки-ударники и жук-претендент», посвященный гастрольям эстрадно-го квартета «Битлз» в Америке. В нем творчество группы оценивается крайне негативно: «"Жучки" ловко уме-

ют разжигать самые темные и примитивные страсти у своей аудитории. ...<Они> обращаются к самым низким сторонам человеческой природы, умеют только вопить и полагаются главным образом на рекламу. Специалисты предсказывают, что "жучки" не смогут долго продержаться на гребне успеха: не тот калибр»⁷. Такой вот неутешительный вердикт выносят авторы журнала, предвещая ливерпульской четверке скорую гибель и забвение, но, к счастью, этот их прогноз (впрочем, как и многие другие) не оправдался.

Обилие развлекательной литературы объясняется отсутствием у населения потребности в мышлении и рассуждении. «Крокодил» приводит высказывание А. Шпрингера, владельца крупнейшего западногерманского медийного концерна, который утверждает, что немцы не любят думать, и его пресса обеспечивает им эту возможность. На это смелое высказывание поэт Н. Энтелис откликнулся своим стихотворным фельетоном.

«Герр Шпрингер – маг! Он экономит время!
Он прост и ясен, словно пятью пять:
Он с плеч снимает тягостное бремя
О чем-то думать, как-то размышлять.
Пусть будет Ганс работником ретивым
И даже ест гуся на Рождество,
Пусть будет занят сексом, шейком, пивом,
А думать будет Шпрингер за него!»⁸.

Выросшие на подобной «литературе» подростки проводят время в барах и игорных домах, собираются в банды, употребляют алкоголь и наркотики. «Их главные развлечения: взорвать почтовый ящик, украсть радиантенну со стоящего автомобиля, пробраться ночью в школу, чтобы перебить там мебель, уничтожить книги и оборудование...»⁹

В весьма негативном ключе отображается в «Крокодиле» образ жизни представителей неформальных молодежных объединений, в первую очередь – панков и хиппи¹⁰.

«Сплошь, как будто бы поганки,
Облепили парапет
Копенгагенские панки –
Наркоманы, наркоманки,
Паразиты с юных лет

...

Клипсы – клещи... Серьги – банки...
И совсем уж "не в ту степь" –

Аксельбантом служит панку
От бачка сливного цепь!...»¹¹

⁷ Жучки-ударники и жук-претендент // Крокодил. 1964. № 8.

⁸ Энтелис Н. Все продумано... // Энтелис Н. Глаза не колет («Библиотека Крокодила». 1974. № 19). С. 6.

⁹ Взорванные почтовые ящики // Крокодил. 1964. № 5 (цитата из американского журнала «Лук»).

¹⁰ В 1989 г. вышел специальный выпуск «Крокодила» (№ 25), полностью посвященный уже нашим советским «неформалам» – панкам, металлистам, люберам, митькам и т.п.

¹¹ Владимов М. Панки // Владимов М. На живца! («Библиотека Крокодила». 1986. № 4). С. 31 (Очерк о Копенгагене).

⁶ Вперед в болото! // Крокодил. 1964. № 21.

В театре на Бродвее. «Джонни, ты жив?»
Рис. Ю. Федорова

Вопреки тому, что западной прессой деятельность неформальных молодежных объединений подается как «протест против общества», советские сатирики видят в ней лишь уход от реальности и нежелание людей бороться за свои права, участвовать в акциях протеста – митингах, стачках, маршах и т.п. Предполагается, что западные реакционные силы таким образом держат молодежь «в отключке» от экономических, политических и социальных проблем, переводя массовый протест в безобидное для себя русло.

Ценностный вакуум и низкий уровень культуры способствуют распространению в обществе множества глупых, нелепых и абсолютно бессмысленных форм развлечений. Одним из ярких проявлений этого феномена являются псевдорекорды жителей западных стран, которые (как стало известно позже) составляют основу «Книги рекордов Гиннеса». Вот несколько характерных примеров.

- Пятнадцатилетний американский школьник 42 часа без перерыва бил палкой по батарее центрального отоп-

ления, тем самым на 6 часов превысив предыдущий рекорд.

- Особо фанатичный курильщик вставил себе в рот 110 сигарет, и дымил ими полминуты.

- Тридцати двум американским студентам удалось одновременно втиснуться в телефонную будку, а 36 австралийцев аналогичным образом оккупировали малолитражный автомобиль.

- Двое горе-«рекордсменов» в течение 31 часа молотили друг друга по лицу.

В «Крокодиле» читатели могли обнаружить и массу других, более частных примеров масштабного падения нравов в западном обществе. Так, например, в Париже открыто питейное заведение «Ле пюпитр» («Парты»), в котором посетители сидят за забрызганными чернилами партами, а официанты, одетые в костюмы школьных учителей, разносят еду и алкогольные напитки своим «ученикам»¹².

В Америке в качестве предметов для коллекций рекламируется колючая проволока, собранная на полях сражений, и другие аналогичные «сувениры».

«Фирма к услугам богатых клиентов,
Много в проспекте достойных презентов:

Карты лазутчиков, рвавшихся к Кубе,
Галстуки Освальда, запонки Руби.

Бляхи солдат, перебитых в атаке,
Пепел Сонгми, черепки Нагасаки,

Капсулы с ядом, культуры инфекций –

Сколько роскошных вещей для коллекций!»¹³

Анализ динамики индексов показывает, что в наибольшей степени культурное и нравственное падение западного общества демонстрируется читателям журнала «Крокодил» в 1960-х годах. Именно в этот период выходит большое число публикаций, посвященных такой проблеме, как пропаганда насилия в западных средствах массовой информации, кинофильмах, книгах и комиксах. Целые журнальные полосы выделяются под описание многочисленных примеров нелепого авангардного ис-

кусства в музыке, театре, живописи, скульптуре и т.д. Актуализируется проблема сексуальной распущенности, связанная с широким распространением на Западе стриптиз-клубов, публичных домов, кварталов развлечений и порнографических изданий. В 1970-е годы журнал все больше внимания начинает уделять социально-экономическим вопросам, постепенно снижая свой интерес к вопросам морали и нравственности. В 1984 г. выходит цикл стихотворений М. Владимова, посвященных падению нравов в западном обществе, и именно за счет этого кривая индекса делает скачок вверх.

Подвести итог данному разделу можно знаковой цитатой из самого «Крокодила»: «Душевная опустошенность, отсутствие ясной цели в жизни, жажда наживы любой ценой, аморальность, которая <...> хлещет с кино- и телеэкранов, со страниц растленной литературы, – такова духовная атмосфера капитализма, в которой буйно растут цветы зла»¹⁴.

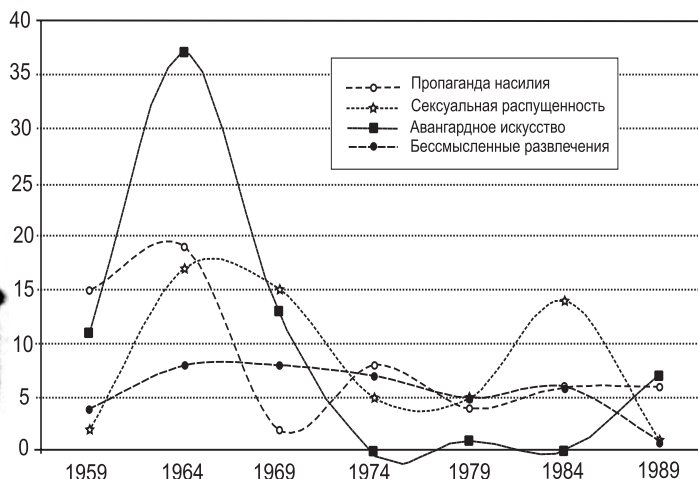
Окончание следует...

¹⁴ Один день «потерянного поколения» // Крокодил. 1964. № 25.

¹² Классная работа с рюмкой // Крокодил. 1964. № 15.

¹³ Энтелис Н. Глаза не колет // Энтелис Н. Глаза не колет («Библиотека Крокодила». 1974. № 19). С. 36.

Рис. 1. «Язвы» западного общества на страницах журнала «Крокодил» в 1959–1989 гг.

«Мы» – не «они»: Михаил Задорнов этнонациональных стереотипов

Сергей Мельников

студент 3-го курса отделения социологии массовых коммуникаций факультета международной журналистики МГИМО

Средства массовой информации сегодня играют заметную роль в формировании общественного мнения, в том числе стереотипов. Как следствие, содержание медийных сообщений дает значительный простор для научного анализа и интерпретации. В данной работе нас интересуют этнонациональные представления, транслируемые в развлекательных передачах российского телевидения. Объектом нашего исследования является творчество юмориста Михаила Задорнова, значительная часть которого посвящена взаимоотношениям русских (как нации) с другими национальными группами (главным образом, «американцами» и «украинцами», но не только). Выступления М. Задорнова на российском телевидении давно стали неотъемлемыми атрибутами повседневности. Об общепризнанном статусе писателя говорит, с одной стороны, то, что ему регулярно пре-

доставляется эфирное время на таких каналах как «Первый», REN-TV, СТС, а с другой – известность и признание аудитории. Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» 2 февраля 2006 г.¹, показал, что М. Задорнов занимает вторую позицию в рейтинге «народной любви» (открытый вопрос о нравящихся артистах юмористического жанра) после Евгения Петросяна.

Если быть лексически точным, то М. Задорнова целесообразнее было бы называть сатириком, так как в отличие от юмористов он старается скорее донести до аудитории определенные смыслы, нежели рассмешить ее; исходя из словарного определения, для сатирического текста характерно «осмеяние», тогда как юмор рождает смех исключительно из описанного и продемонстрированного случая (происходит акт «насмешки»²).

Цель исследования состоит в изучении смыслов, при помощи которых в российских СМИ конструируются этнонациональные представления.

Основным методом исследования стал качественный контент-анализ³, в фокусе которого находился показанный 7 апреля 2006 г. на телеканале «Первый» концерт под названием «Этот безумный, безумный мир». Исследовалась только его содержательная часть, дешифровка выступления, без учета эмоциональных реакций автора и аудитории.

Теоретические основания исследования

Концептуально-теоретический аппарат данной работы находится на

стыке этносоциологии и социологии массовых коммуникаций.

Этнонациональная идентичность на уровне индивидуального сознания относительно легко определяема. Однако значения, скрывающиеся за номинальной этнической идентичностью, могут быть детерминированы различными факторами – такими как политика, культура, экономика, кровь, почва и т.д.

На групповом уровне «этническая общность – это всего лишь сумма индивидов, каждый из которых воспроизводит этничность для самого себя»⁴. Подобные рассуждения можно встретить и в концепции нации как воображаемого сообщества, предложенной Б. Андерсоном. Согласно работам английского исследователя, нация – это сообщество в том смысле, что за ней всегда скрыто «глубокое, горизонтальное товарищество»⁵. Нация является воображаемой, «поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»⁶.

Отношение к другим национальностям и национальным группам на уровне индивидуального сознания является, как правило, неструктурированным или не определенным вовсе.

Упорядочить различные индивидуальные представления на уровне коллективного сознания позволяют массмедиа, и прежде всего телевидение как имеющее массовый ох-

¹ Фонд «Общественное мнение». База данных. [Электронный ресурс]: Официальный сайт фонда «Общественное мнение». http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_tv/dd060527

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.

³ Регистрация случаев производилась на всем пространстве текста и основывалась на принципах всеобщности (при учете единиц анализа) и логической непротиворечивости (при категоризации единиц). После идентификации всех единиц анализа в рамках конкретного блока осуществлялась их категоризация в зависимости от контекстов употребления.

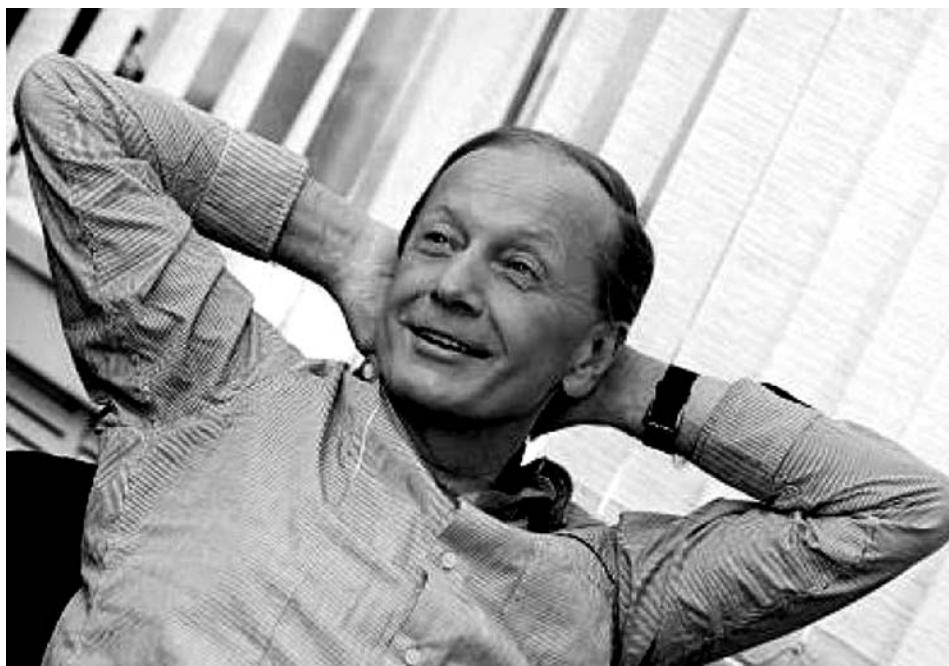
⁴ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. 2003. С. 116.

<http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document901.pdf>.

⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 29.

⁶ Там же. С. 30.

как агент производства

ват и высокое влияние на мнение аудитории. Маршалл Маклюэн подчеркивал «вовлекающий» характер телевидения, обусловленный спецификой телевизионного изображения: реципиент не успевает зафиксировать все точки ТВ-кадра целиком, и вынужден осуществлять домысливание, что способствует его вовлечению в «сейчас»⁷. Этнонациональные представления относительно как «мы»-, так и «они»-групп имеет смысл называть стереотипами в традиционном понимании У. Липпмана – «картинка в голове», позволяющая отличить «своих» от «чужих»⁸. В своей работе «Общественное мнение», размышляя о визуальном искусстве, У. Липпман убедительно описал процесс формирования экранных стереотипов: «Не напрягая воображения и прилагая усилия только к тому, чтобы не заснуть, вы можете наблюдать за событиями, которые изображаются для вас на экране. Смутная идея становится яркой и очевидной, а ваши туманные представления

принимают отчетливые формы... С исторической точки зрения образы могут быть ложными, а с моральной – порочными, но это все равно образы»⁹.

Понятия «мы»-группа и «они»-группы рассматривались в работе в традиционном социологическом смысле. В «мы»-группе главное – отношения сплоченности по акту принадлежности к ней относительно «они»-группы. Что касается «они»-групп, то гипотетическим предполагается их пребывание в отношениях конфликта (в терминах Г. Зиммеля) с «мы»-группой.

Процедура и данные контент-анализа

Контент-анализ был разделен на два смысловых блока – «мы»-группа и «они»-группы.

«Мы»-группа

Единицами анализа в блоке «мы»-группа выступили такие наименования, как «мы», «россияне», «русские», «в России», «у нас». Всего они были употреблены в тексте

выступления 88 раз. Категоризация употребления в зависимости от смежности контекстов получилась следующей.

1. «Нерациональное действие» – 41 случай. Данная категория объединила те нарративы, в которых действия представителя или представителей «мы»-группы репрезентировались как противостоящие здравому смыслу, как лишенные субъективного смысла либо как содержащие в себе сплав традиционного и аффективного компонентов в веберовском понимании. Например: *«только наш человек ходит зимой по улице, жалуясь, что ему холодно, потом заходит в магазин, покупает мороженое и идет на улицу его есть»*.

2. «Уникальность и исключительность» – 22 случая. Данная категория включает в себя нарративы, в которых постулируется «особость» «мы»-группы без обращения к конкретным тематическим примерам. Например, *«у нас уникальные женщины»*, *«то, что случается в России вообще нигде произойти не может»*.

3. «Положительные качества» – 18 случаев. Превосходство «мы»-группы в отличие от предыдущей категории утверждается на примере конкретных тематических ситуаций. Среди положительных качеств были выделены следующие: «отношения дара в противоположность отношениям обмена», «изобретательность», «стойкость к неблагоприятным обстоятельствам». Пример: *«Только у нас сохранились люди – дорогие учителя, которые, не получая зарплаты, ходят на работу получать удовольствие от общения»*.

4. «Превосходство над «они»-группами» – 9 случаев. Утверждение доминирования «мы»-группы над «они»-группами («Западом», «заграницей» и «американцами») происходит на основе явной антитезы. Например, *«пытливость ума наших детей не сравнима ни с какой соображалкой ребенка Запада»*.

«Они»-группы

В блоке «они»-группы единицами анализа выступили наименования конкретных народов, государств и

⁷ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.

⁸ Ibroshcheva E., Ramaprasad J. Do media matters? A social construction of stereotypes of foreigners // Journal of Intercultural Communication. 2008. № 16. <http://www.immi.se/jicc/index.php/jicc/article/view/71/43>.

⁹ Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

инных географических индикаторов, позволяющих утверждать, что речь идет об определенной «они»-группе. Контексты обобщались для каждой конкретной «они»-группы, там, где это было возможно, для конкретной группы определялось несколько смысловых категорий.

I. США, Америка и американцы (следует заметить, что данные наименования не всегда употреблялись напрямую, иногда принадлежность определялась контекстуально – например, в ходе блока выступления, целиком посвященного данной «они»-группе, – «Дневник американского солдата»).

1. Высмеивание технологического развития и привычки к комфорту – 12 случаев. Пример: *«Сегодня самый страшный день – где-то заблудились походная попкорница и полевой Макдональдс».*

2. Глупость, недалекость, нереклексивность – 11 случаев. Например, *«одного не можем понять – как все-таки правильно говорить – Иран или Ирак».*

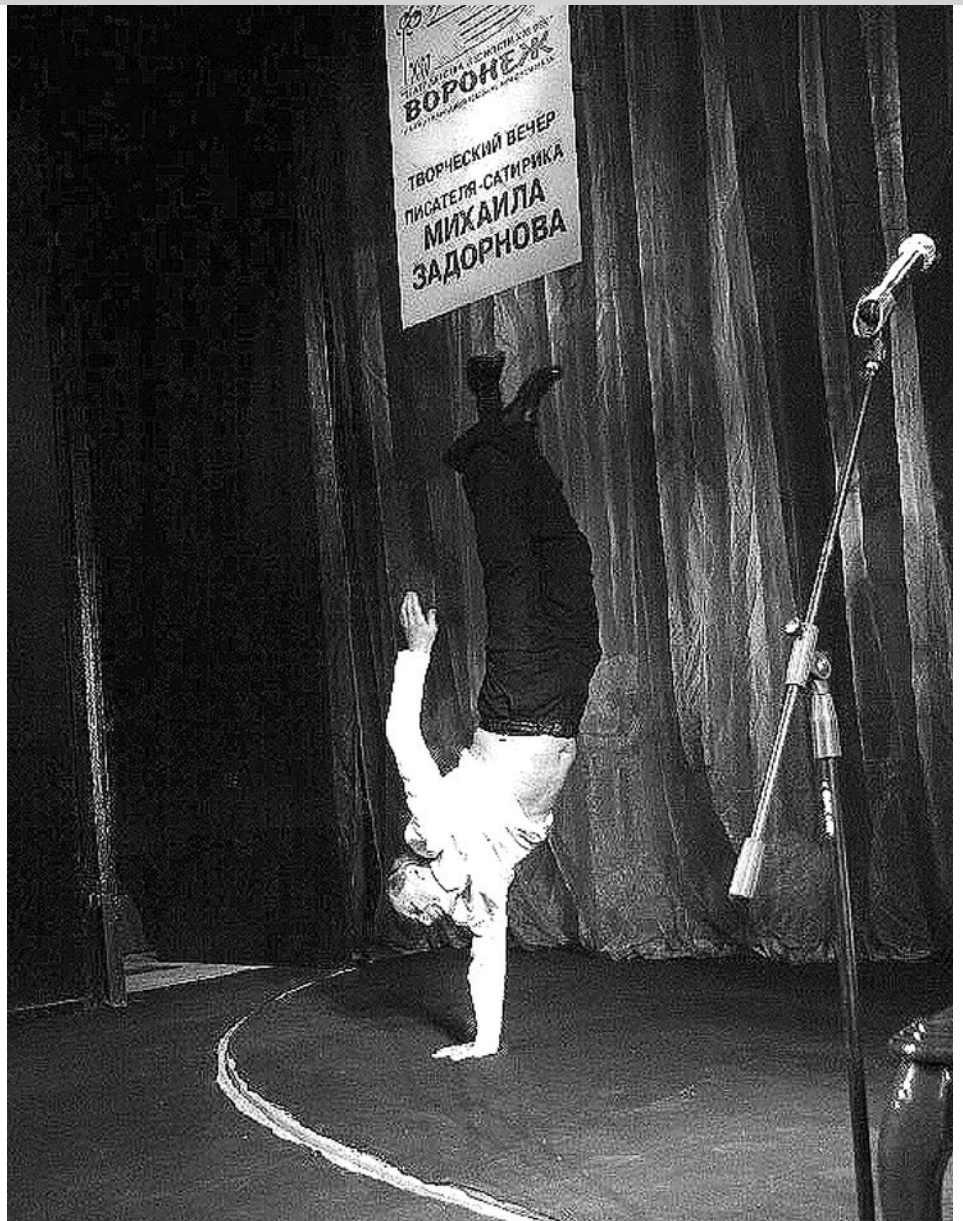
3. Вера в собственное господство – 7 случаев. Пример: *«Иракский лидер не хочет делиться нефтью. Это значит – он против демократии, и теперь наш долг – принести иракскому народу демократию, ибо мы – американский народ – самый главный разносчик демократии в мире».*

4. Иррациональная рациональность (ситуация, в которых формальная рациональность обращается в свою противоположность) – 4 случая. Например: *«наступление наших танков остановилось, так как у самого Багдада на светофоре загорелся красный свет».*

5. Антитеза с «мы»-группой (данные случаи вошли также в первый блок анализа) – 3 случая. Например, *«а мне говорила американская учительница в школе в Нью-Йорке, что если хоть один русский ребенок есть среди американских детей в школе, все американские дети – дауны».*

II. Украина и украинцы

1. Глупость, отсталость, дикость – 5 случаев. Например, *«оказалось, что украинцам вообще не платят зарплату, сказали, что в Ираке добудете, то и ваше».*

2. Отражение стереотипов (высмеивание типичных украинских атрибутов) – 5 случаев. Пример: *«Самое страшное – нам раздали украинские противогазы, они так пропахли салом и чесноком».*

III. «Запад»

Фон для утверждения превосходства «мы»-группы – 6 раз. Например, *«многие мои коллеги сегодня считают, что юмор должен быть как на Западе – пошлым юмором; я так не считаю».*

Обсуждение результатов

Интерпретацию результатов контент-анализа хотелось бы начать с выяснения специфики этнических шуток, для того чтобы описать процесс «воображения» содержания этнонациональных идентичностей на их основе.

В очерках по социологии юмора А.В. Дмитриев отмечает: «этнические шутки – своеобразные реакции на сближение и перемешивание этнических групп в индустриальных обществах... В этих обществах социальные, моральные и географические границы становятся не так заметны, и этнические шутки, анекдоты призваны восстановить необходимую дистанцию»¹⁰. Основная функция этнических шуток таким образом сводится к тому, чтобы сделать явными границы «мы» и «они»-групп по этнонациональному признаку. Определение границ на основе этнических шуток ведет к формированию совокупности представлений о входящих в данные понятия значениях, а следовательно, к

¹⁰ Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М.: Библиотека РГИУ, 1996. С. 152.

снижению неопределенности относительно того, кто такие «мы» и «они». Интериоризация данных представлений ведет к усилению приобретенной «мы»-идентичности как за счет прямых утверждений о превосходстве «мы»-группы, так и за счет критических высказываний в адрес «они»-групп. Так, «воображаемые» значения, касающиеся наций и национальных характеров, становятся индивидуальной реальностью. После уяснения данного процесса следует задаться вопросом: формируются ли на ТВ новые стереотипные значения для телесмотрящего или же рациональный телесмотрящий соотносит сказанное на ТВ с индивидуальными представлениями?

Полагаю, что существует достаточно высокий риск нерелексивного восприятия аудиторией текстов М. Задорнова. Посредством трансляции стереотипов в коллективное сознание аудитории, перформативности образов, изображенных автором, стереотипы все-таки производятся. Можно сформулировать пять причин того, почему стереотипы переселяются в коллективное сознание, а не соотносятся с существующими представлениями (хотя зачастую базируются на них) или отвергаются за счет них.

Первая причина – особенности ТВ-изображения (о чем упоминалось ранее), подразумевающие повышенный уровень вовлеченности реципиента.

Вторая – принадлежность ТВ-выступлений сатирика к развлекательному жанру и их трансляция в вечернее время, что актуализирует ослабленность как желаемое состояние во время просмотра и смех как основную мотивацию просмотра.

Третья – невысокий образовательный уровень и кругозор ТВ-аудитории развлекательных передач по сравнению с теми, кто не является ТВ-аудиторией вообще, ТВ-аудиторией данного жанра передач или ТВ-аудиторией центральных каналов.

Четвертая – неприспособленность ТВ к диалогу со зрителем (практическое отсутствие «обратной связи»), а следовательно, занятие привилегированного положения по отношению к нему¹¹.

Пятая – особая роль практик ТВ-просмотра в общественной интеграции РФ. По словам Б. Дубина, «роль зрителя, которая отведена в данной ситуации россиянам, принята большинством из них... Население России сегодня – не нация, не народ, даже не электорат, а публика»¹².

На макроуровне ТВ-репрезентации закладывают основы если не агрессивного, то антагонистического националистического мировоззрения. В терминах Б. Андерсона телевидение оказывается «катализатором национализма»¹³.

В то же время определение представлений относительно «мы»- и «они»-групп посредством массмедиа представляет собой элемент националистической политики. Исследуемое выступление М. Задорнова равно как и всю этику его творчества можно оценивать как отражение «защитного национально-популистского национализма»¹⁴, характерного для национальных государств Центральной и Восточной Европы. Основные черты такого национализма: стремление защитить национальную экономику, язык, культуру «извне», клеймление политических оппонентов и «врагов» данной национальности¹⁵. Согласно работам Г.И. Зверевой, циркулирующий в российском политическом поле дискурс о нации отличается тем, что частично в нем заявляется об «эссенциализме» российской нации, частично происходит ее «конструкционизм», а в целом понятия «российская нация» и «общероссийская идентичность» становятся атрибутами «информа-

ционной среды» для создания «эффекта постоянного присутствия»¹⁶. Таким образом, придание М. Задорновым определенных культурных смыслов и оценок «мы»-группе вполне соотносится с правилами деятельности в современном информационном поле. Не в последнюю очередь благодаря подобным выступлениям число идентифицирующих себя с «русскими» и «гражданами России» неуклонно растет¹⁷ на фоне стабильно невысокого в последние годы отношения к этнонациональным «они»-группам. Плоды такой стереотипной трансляции можно увидеть, например, в том, что по данным исследования Левада-Центра, в январе 2010 г.¹⁸ 93% опрошенных украинцев относились к России «хорошо», а 4% относились «плохо». В России же к Украине относились «хорошо» – 52%, «плохо» – 36% респондентов. Наверняка подобная диспропорция вызвана формированием образа украинцев как «они»-группы, в том числе и усилиями Михаила Задорнова.

Наш анализ творчества М. Задорнова мог бы быть построен с акцентом на том, какие значения относительно «мы»-идентичности продуцируются данным автором или же с фокусом на общей функциональности юмористической сферы. Однако более важным нам представлялось обратить внимание на уязвимость телевизионной аудитории для продуцируемых стереотипов, которые зачастую включают в себе скабрзные и агрессивные смыслы.

¹¹ Бодрийяр Ж. Реквием по медиа // Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. С. 228–260.

¹² Дубин Б. В. Всеобщая адаптация как тактика слабых // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/du4-pr.html>.

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹⁴ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Eastern European History Library. <http://ee-history.alfamoon.com/index.php?module=articles&act=show&c=3&id=64>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зверева Г.И. Учреждение «российской нации»: год 2008 // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. Т. XVI / под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Университетская книга, 2009. С. 409–429; 425–426.

¹⁷ Дубин Б. В. О коллективной идентификации в сегодняшней России // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения; 389–402.

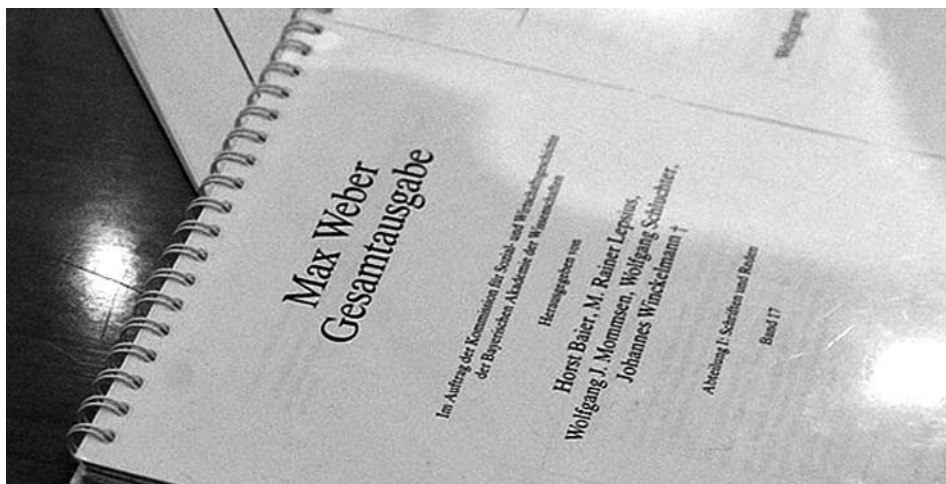
¹⁸ Левада-Центр. Пресс-выпуски. Официальный сайт Левады-Центра. <http://www.levada.ru/press/2010022605.html>.

Александр Куракин

научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, преподаватель кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ

О молодом Вебере

Продолжение

Глава седьмая. Пощечина

В которой описываются изменения в облике молодого Вебера в ходе обучения в Гейдельбергском университете и как он получил по мордасам от собственной матери, а в конце ставится многозначительный вопрос.

В университет Вебер поступал не только ради знаний, но и с желанием возмужать. По воспоминаниям сокурсников – будущих собутыльников, Вебер пришел в храм науки робким и испуганным, как свежепойманный военкоматом призывник, худым и чахлым, как колхозная корова. И Вебер, по-видимому, хотел это все исправить: стать уверенным и твердым, толстым и крепким. Стоит ли говорить о том, что он этого добился. Если в детстве центр масс находился у него в голове, то теперь он переместился чуть ниже. Еще появился brutальный шрам на щеке, невыясненного пока происхождения. Говорят, что это след от дуэли на шпагах, возникшей из-за разногласий по поводу кантовских антиномий (по другой версии, дуэль возникла из-за пролитого на штаны пива). Когда Вебер в таком виде приехал навесить матушку, то немедленно схлопотал по чайнику: у религиозной женщины его образ никак не вязался с образом добропорядочного христианина. Как же Вебер смог достичь таких потрясающих результатов?

Глава восьмая. Пиво

В которой рассказывается, как, принимая на грудь, можно вырастить живот.

Вебер очень любил пиво. Даже кушать меньше стал, чтобы пива можно было больше выпить. А выпить он мог много, больше никто так не мог. Даже Теннис столько не мог выпить. Уж на что был человек! Ни Риккерт так не мог, ни, прости Господи, Зиммель. А Рошер с Книсом и вдвоем не могли столько выпить. Только Ленин мог столько грибов съесть, сколько Вебер пива выпить. Бывало, зайдет Вебер в пивную, закажет бочонок и сядет тихонько в уголок. Мог из кружки залпом пить, мог маленькими глотками цедить, а мог прямо из краника. В общем, глядь, а бочонка как не бывало. Да, было время, были люди.

Глава девятая. Алеманны

Где рассказывается, как Вебер попал в плохую компанию и чему он научился у хулиганов.

В университете Вебер сторонился всяких студенческих организаций, но к «алеманнам» его нелегкая все-таки занесла. По одной версии, «алеманны» были клубом исторической реконструкции и старались в точности сохранять традиционные ценности студенчества, т.е. пили и бузили. По другой версии, это было просто неформальное объединение пива, шнапса и сосисок. Другими ценностями сообщества была традиция студентов жить в долг и драться на дуэлях. Фехтованием Вебер занимался

с детства, а остальному он научился у этих хулиганов. Так Вебер получил шрам на лице, набрал вес и долги.

Глава десятая. Характер нордический

В которой объясняется, как Вебер стал храбрым и решительным.

Между собой «алеманны» не дружили. Напротив, были холодны и чопорны. Чуть что, так сразу к барьеру. Никаких вам разговоров «за жизнь», рыданий в жилетку, хватания за грудки и всякой прочей фамильярности. Считалось, что это не круто и недостойно настоящего мужчины. Было лишь одно исключение: когда они пьяные хором орали студенческие песни про фатерлянд, добрый шнапс, пухлых фрау и мудрого кайзера. Пели столь хорошо, что даже не слишком сентиментальный Вебер запомнил эти песни до конца жизни. А в остальном «алеманны» сделали из свежепойманного призывника угрюмого Карлсона.

Глава одиннадцатая.

От забора до обеда, или Кто в армии служил, тот в цирке не смеется

Где приводится отрывок из письма Вебера домой с армейской службы.

Призвали Вебера однажды на год в армию. Прямо с университетской скамьи. По окончании этого срока Вебер стал капралом, но далось это непросто.

Вот что пишет Вебер своей матери:

– Разлюбезная моя матушка. Служба моя в доблестной немецкой армии проходит хорошо, и можно даже сказать, увлекательно. Каждый день от господ офицеров я узнаю много нового и интересного про одногодичников в целом и про себя в частности. Что за чуткие, проницательные и вежливые люди! Распорядок дня поражает своей безупречной логикой и содержательным наполнением. Каждый день приносит много новых знаний и полезных в жизни навыков.

Например, строевой шаг – как я раньше без него обходился? Если бы ты только могла видеть, как мы неудержимой лавиной идем в атаку на врага, неумоимо совершаем длинные марш-броски и гордо проходим после занятий стройными рядами через город, распевая залихватские песни и демонстрируя замороженному местному населению мощь и несокрушимость нашей военной машины. Физические тяготы военной службы я переношу прекрасно. Несколько лишней вес мне ничуть не мешает. Я могу легко делать подъем с переворотом на турнике, прыгаю через козла и лазаю по канату, без усталости бегаю и разбиваю головой кирпичи. Мои ноги ничуть не болят, форма так ладно кроена, что нигде не натирает. Под вечер я чувствую себя бодрым и полным энергии, а ложась спать, с нетерпением жду начала нового дня.

Макс Вебер (на фото – слева) с братьями, 1879 г.

Глава двенадцатая.

Нирвана

Где рассказано, как Вебер морально приспособился к армейской жизни.

Недостаток духовной жизни в армии очень тяготил Вебера. Его жаждавшая духовного развития натура не могла смириться с ощущением «медленного погружения в ночь глубочайшей тупости». Значит, нужно на время отказаться от желаний духовных приключений, сделать свою тупость равной тупости окружающей среды. Нет желаний – нет страданий. Нужно уменьшить количество роящихся в голове мыслей, ни о чем не думать. Но как это сделать? Из всех медитативных практик Вебер выбрал самую эффективную и уже освоенную у «алеманнов»: после муштры пить до полуночи в пивной. На следующий день обеспечено «дремотное сумеречное состояние духа» – то, что надо. «Часы пролетают как мгновение, ибо в черепной коробке не шевелится ничего, ни одна мысль». Порой Вебер даже достигал состояния просветления: «Сажу в кресле, курю одну сигару за другой и ни о чем не думаю – действительно ни о чем. Мне показалось как-то, что я недолго просидел таким образом, но, взглянув на часы, установил, что провел три часа без единой мысли». ☞

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической социологии, руководитель ЛЭСИ, первый проректор ГУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Мария Правдина

магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Художественный редактор
(дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист, дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору Кларе Мироновне Канюк

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Светлана Барсукова

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ

Денис Стребков

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, старший научный сотрудник ЛЭСИ

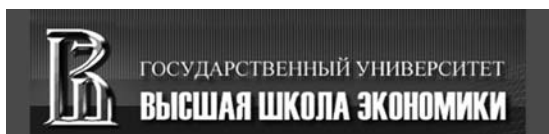
Сергей Мельников

студент отделения социологии массовых коммуникаций факультета международной журналистики МГИМО

Александр Куракин

преподаватель кафедры экономической социологии, научный сотрудник ЛЭСИ ГУ ВШЭ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61
e-mail: ealexandrova@hse.ru
web: soc.hse.ru/ecsoclab/index.html

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (499) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:
soc.hse.ru/ecsoclab/index.html